

Раз уж дело приняло такой оборот, пареньку, побежавшему передать просьбу, ничего не оставалось. Вернувшись к дверям, он посмотрел на Нин Си — тот стоял с невероятно невинным, добродушным видом, — почесал затылок и понял, что у него просто язык не поворачивается выдать столь шитую белыми нитками ложь.

— Ну... — Он с трудом подбирал слова. — Там Брат Цзэ задачу решает. Завтра же последний день экзаменов, вот он и ушёл в учёбу с головой... Короче, не выйдет он.

— О, вот как, — Нин Си мельком заглянул в кабинет. Сун Ицзэ сидел за партой с идеально прямой спиной и действительно сосредоточенно что-то писал.

Нин Си понимающе улыбнулся:

— Ничего страшного. Передай ему, пусть готовится и ложится спать пораньше.

Одноклассник суетливо кивнул, всё ещё недоумевая, какими вообще соображениями руководствовался Брат Цзэ, отшивая такого послушного, красивого — ну просто сказочного — Омегу.

Попрощавшись с парнем, Нин Си повернулся и побрёл по коридору.

Тусклый свет настенных светильников мягко ложился на его лицо. Вечерняя самоподготовка вот-вот должна была начаться, поэтому ученики вокруг спешно пробегали мимо.

Засунув руки в карманы, Нин Си лениво шагал по коридору. Длинные густые ресницы были опущены, а свет ламп отбрасывал от его высокой, тонкой фигуры длинную тень.

От недавней кротости не осталось и следа. На душе внезапно стало как-то пусто.

Летний вечер оглашался стрекотом цикад, отчего окружающая тишина казалась лишь ещё более звонкой.

Нин Си вальяжной, неторопливой походкой возвращался в свой кабинет, размышляя на ходу.

«Ладно, сначала надо закончить со вторыми пробными...»

Вторые пробные экзамены проходили в привычной напряжённой, но строгой обстановке.

На последующих предметах Нин Си уже не попадал в одну аудиторию с Сун Ицзэ, однако, сдав

английский, почувствовал себя настоящим непобедимым гением.

В сочинении он выложился по полной: сразу же наделал кучу орфографических и грамматических ошибок, а в качестве первой же фразы ввернул строчку из программирования — «Hello World», сделав её лейтмотивом всей работы. Оставалось только надеяться, что у учительницы английского достаточно крепкое сердце.

С математикой у Нин Си проблем не возникало вовсе — он мог бы шутя получить максимальный балл. Но поскольку он давненько не практиковался, а времени на экзамене было с избытком, Нин Си решил сначала прорешать абсолютно все задания на черновике. А затем выбрал несколько самых простых, чтобы набрать ровно столько баллов, сколько задумывал, и перенёс их в бланк ответов.

Точно так же он поступил и с комплексным экзаменом по естественным наукам.

Когда в шесть часов вечера этот самый сложный блок остался позади, Нин Си едва не подпрыгнул от восторга.

Наконец-то свободны!

Звонок огласил коридоры:

— [Экзамен окончен. Просим организаторов собрать бланки ответов]

Едва преподаватель забрал работы, как по аудитории прошёл оживлённый шёпот:

— Слушай, а в последнем вопросе по физике с множественным выбором ты что отметил? А, Б и Г?

— Чего?! Я только два варианта выбрал, мамочки мои...

— Ой, да хватит вам сверять ответы! Не бесите!

— Да ладно тебе, всё равно уже сдали, какая разница!

— Всё, провалил я естествознание! Почему в начале варианта всё было нормально, а под конец подсунули такую зубодробительную жуть?!

Нин Си забрал пенал и вместе с остальными пошёл в свой класс.

Что правда, то правда — комплексный экзамен задал жару.

Над последними задачами по химии действительно пришлось поломать голову: там требовалось время на глубокий анализ и расчёты. Если бы Нин Си выкладывался всерьёз, вряд ли набрал бы больше двухсот девяноста баллов.

«Эх, до чего же хочется узнать, правильно ли я в черновике посчитал соотношение масс газов в физике...»

После сдачи всех предметов атмосфера в классе заметно разрядилась.

Большинство старшеклассников предпочитали жить сегодняшним днём: перед лицом надвигающихся двадцатидневных летних каникул они уже вовсю строили грандиозные планы и договаривались о совместных гуляньях.

Нин Си развалился на стуле и с ленивой улыбкой наблюдал за оживлённо болтающими одноклассниками.

Раз уж пробные позади, если он прямо сейчас пойдёт к Сун Ицзэ, тот ведь больше не сможет отмахнуться от него отговорками про подготовку?

Нин Си поднялся и не спеша направился к кабинету экспериментального класса.

После экзаменов наступил длинный перерыв: хочешь — иди ешь, хочешь — отдыхай или возвращайся в общежитие, полная свобода.

Когда Нин Си подошёл к дверям экспериментального класса, внутри практически никого не было.

Но Сун Ицзэ всё ещё оставался на месте. Свет лампы мягко очерчивал его силуэт. В отличие от светлых, почти прозрачных глаз, густые тёмные ресницы были спокойно опущены. Он сидел в наушниках, а его ручка без остановки порхала по бумаге.

Казалось, парень полностью погрузился в собственный мир, и мешать ему совсем не хотелось.

Поэтому Нин Си не стал его отвлекать. Бесшумно прошмыгнув в кабинет, он тихонько опустился на стул позади Сун Ицзэ.

Силуэт семнадцатилетнего юноши со спины уже излучал ту самую надёжность, что дарит чувство абсолютной защищённости.

Широкие плечи, изящная шея, идеально прямая осанка. Тонкая ткань школьной формы мягко облегла тело, едва заметно подчёркивая крепкий рельеф мышц.

Нин Си не раз ловил себя на мысли, что Сун Ицзэ создан для роли главного героя романа. В нём сочетались черты, недоступные большинству обычных людей.

Например, высокий рост и редкая привлекательность.

Или выдающийся талант наряду с блестящей успеваемостью — и при этом невероятное трудолюбие и упорство.

Идеальный кандидат, ничего не скажешь.

Нин Си честно не собирался мешать, но Сун Ицзэ вдруг замер, отложил ручку и обернулся.

Нин Си был уверен, что не издал ни звука, и понятия не имел, как тот его засек.

Чтобы скрыть смущение от того, что его застукали за разглядыванием чужой спины, Нин Си робко поинтересовался:

— Эм... А что ты слушаешь?

Тот небрежно уронил в ответ:

— Музыку.

Нин Си:

«...»

В кабинете, помимо них, оставалось ещё несколько усердных учеников, готовых заниматься до победного.

Нин Си стеснялся говорить громко, чтобы не мешать другим.

Как раз в этот момент Сун Ицзэ поднялся и пошёл к выходу.

Нин Си тут же устремился за ним, нагоняя на ходу:

— Ицзэ, стой! Ты куда?

— Ты зачем за мной идёшь? — Сун Ицзэ даже не повернул головы и не сбавил шаг, а его голос

звучал ровно и отстранённо. — Тебе делать больше нечего?

— Да я... Я просто после экзаменов решил немного передохнуть, — оправдывался Нин Си, спеша за ним следом.

Сун Ицзэ резко остановился, развернулся и с предельной серьёзностью посмотрел на Нин Си:

— Отдохнуть после экзаменов — это нормально. Но тебе стоит хорошенько подумать, не осталось ли у тебя незавершённых дел. Например, написал ли ты своё объяснение на восемь тысяч слов.

Нин Си:

«...!»

Чёрт! Он же совсем про него забыл!

В этой бесконечной объяснительной едва набралось две тысячи слов, после чего работа встала из-за банальной лени.

Заметив по изменению лица Нин Си, что тот ничего не дописал, Сун Ицзэ холодно добавил:

— Если хочешь вернуть свой телефон, лучше иди и допиши всё до конца. Чем тратить время впустую здесь, занялся бы чем-нибудь полезным.

Каждое слово чеканилось с суровой серьёзностью.

Нин Си совершенно не понимал, что нашло на Сун Ицзэ. Начиная со вчерашнего обеда тот будто превратился в другого человека.

Стал невероятно холодным и сдержанным.

Именно таким его привыкли видеть окружающие — неприступным и далёким Учёным богом Суном.

В его поведении проскальзывала та самая равнодушная отстранённость, которой раньше Нин Си на себе не ощущал.

Нин Си не находил, что ответить.

Он стоял, удручённо опустив голову, точно нашкодивший ребёнок.

«Да что вообще происходит-то?!»

Видя, как Нин Си понуро молчит, Сун Ицзэ, похоже, решил, что перегнул палку.

Зачесав чёлку со лба, он произнёс с лёгким раздражением:

— У меня ещё дела. Возвращайся к себе и не ходи за мной.

Возражения не принимались.

Нин Си чувствовал: скажи он сейчас хоть слово, и Сун Ицзэ окончательно разозлится.

«Да в чём же дело, а?..»

Совершенно павший духом, Нин Си поплёлся назад.

Вечером, поскольку учителям поручили онлайн-проверку работ, руководство школы проявило небывалую милость: ученикам разрешили распоряжаться временем по своему усмотрению, запретив лишь покидать территорию.

Нин Си долго размышлял и всё же решил вечером к Сун Ицзэ больше не лезть.

Поговаривали, что результаты объявят уже завтра после обеда, а следом состоится общее собрание по итогам автономной подготовки с проживанием в школе.

Иными словами, завтра Нин Си придётся подняться на трибуну перед всей школой и во всех красках зачитать своё объяснение.

Вот уж действительно невиданный опыт!

В своей прошлой жизни в старшей школе он поднимался на сцену разве что за стипендиями да грамотами.

Вздохнув, Нин Си наугад вытащил из пенала ручку и решил для начала дописать эту злосчастную бумагу.

В этот вечер Первая старшая школа Синьчан гудела как улей: отсутствие обязательной вечерней самоподготовки выгнало учеников на улицы.

На баскетбольной площадке стучали мячи, по стадиону прогуливались компании, в парке прятались парочки, а в коридорах и классах, разумеется, всё ещё сидели самые отъявленные зубрилы.

Нин Си решил писать объяснительную в общежитии. Ему было безумно жаль своего конфискованного телефона, без которого вечер казался невыносимо скучным.

Толкнув дверь комнаты, Нин Си к своему удивлению обнаружил там Ху Янцай, который, похоже, что-то увлечённо собирал.

— Учебный комиссар, ты чего тут делаешь? — спросил Нин Си, подходя к своему столу.

— А, вещи упаковываю, — Ху Янцай аккуратно укладывал разбросанную по столу мелочёвку в чемодан. — Завтра же каникулы начинаются, можно в общежитии не ночевать. Я всё равно на дневном обучении, вот и решил заранее прибраться, чтобы завтра после уроков не тащить всё скопом.

Нин Си опустился на стул и молча кивнул.

«Точно... Каникулы же на носу».

Убрав всё ненужное, Ху Янцай обернулся к нему:

— Слушай, Нин, а ты тоже за вещами пришёл?

— Да нет, объяснительную дописывать, — вздохнул Нин Си.

Ху Янцай искренне изумился:

— Опять?! Ты же вроде только-только её сдал?

— Да не, это всё та же, — Нин Си тоскливо потряс в воздухе листом бумаги. — Восемь тысяч слов. Знамение глубокой любви от заведующего Лю.

— Восемь тысяч?! Это же сколько писать-то надо?! — с сочувствием ужаснулся Ху Янцай. — Нин, да что ты вообще такое натворил, что тебя на восемь тысяч слов запрягли?!

— В телефон на уроке залипал.

— За телефон — восемь тысяч слов?!

— Ну... там не только в этом дело, — Нин Си почесал щёку. — Долгая история.

Рассказывать о том, что заведующий Лю прочитал сообщение от Сун Ицзэ и заподозрил их в ранней любовной связи, было нельзя — фантазия Ху Янцая тут же раздувает из этого историю мирового масштаба.

«Но почему Сун Ицзэ с ним не разговаривает? Чем он успел его обидеть? Чушь какая-то».

Нин Си лениво откинулся на спинку стула и начал размеренно раскачиваться, пробормотав себе под нос:

— И почему Сун Ицзэ со мной не разговаривает?..

Он и не думал, что Ху Янцай услышит.

Однако тот, аккуратно задвинув ящик стола, повернулся к нему и совершенно спокойно посоветовал:

— Раз не разговаривает — так пойдёшь и задобришь его!

<http://bllate.org/book/20373/2161493>